

150

из дневника
зануды

Лия
Корнилова

Что такое хорошо и что такое плохо

Прослушка и отслушка

Начну плясать не от пещки, а от приставки «от». Это полноправная часть слова, придающая коренным единицам речи новый смысл. Сравните: *плыть* и *отплыть*, *бежать* – *отбежать*, *ступить* – *отступить*...

С этой приставкой, с этим префиксом (от лат. – прикрепленный спереди), согласитесь, слова приобретают совсем другое значение. Но сейчас в языке, особенно в устном, с данной приставкой творится невообразимое. Скажу, чуть переиначив Оруэлла: среди равных эта приставка стала равнее других. Такое впечатление, что применяется она не к месту чаще, чем к месту, и употребляется, не придавая слову никакого нового смысла. Чем, скажем, отличается фраза «в конкурсе *участвовало*» от «в конкурсе *отучаствовало*»? Разве что привнесённой корявостью и тем, что компьютер подчёркивает нелепое новообразование красным, говоря: такого слова нет в русском языке. (И правильно подчёркивает, хотя не всем компьютерным подчёркиваниям стоит доверять.)

Об этой бессмыслице я уже писала, но эпидемия так велика и так стремительно распространяется, что не вернуться к ней просто невозможно. И уже всюду – в быту, по радио и ТВ, в газетах и журналах – слышим и читаем вместо *позвони* по телефону – *отзвони*, вместо *просматривать* – *отсматривать*... И уж дошло до того, что на уважаемой радиостанции «Серебряный дождь» появилась программа «Отслушка». Вспомните: в консерваториях и театрах голоса, музыкальные произведения всё-таки прослушивают, а не отслушивают (как в кинематографии претендентов на роли просматривают, а не отсматривают. Всё-таки *п р о с м о т р* – но не *отсмотр* же). Глагол *отслушать* имеет совершенно другое значение (отслушал и пошёл). Но *прослушкой*, этим профессиональным сленгом чекистов, тоже не назовёшь. Всем известный смысл, когда тайно прослушиваются телефонные разговоры, конечно, в нашем случае не годится. Как не годится на радио и нелепая *отслушка*. Как бы она ни претендовала на неологизм. Замечу: газетно-журнальные публикации преподносят ляпов значительно меньше.

Озвучка словарей

Как правильно писать и говорить – непростая проблема. На радио «Эхо Москвы» даже придумана специальная программа «Как правильно?»

В самом деле, столько сложностей в русском языке, столько разилок на пути к безошибочному употреблению слов, их написанию, произношению...

Огромное число проблем сопряжено с развитием языка. Язык – это живой организм, и он находится в постоянном движении, поиске новых форм выражения человеческих чувств, мыслей...

Порой, однако, намеченные пути-дорожки оказываются ошибочными. Так бывает, ничего тут противоестественного нет. Язык живёт на белом свете не первый день и умеет отсеивать всяческую шелуху, исправлять вектор движения. В нём бурлят и работают собственные механизмы самосовершенствования. И я думала, что одним из винтиков этих механизмов является передача «Как правильно?» на «Эхе».

Но ошиблась. Ведущая программы журналистка Марина Королёва не имеет собственного мнения, не пытается обозначить болевые точки современной лексики, не замечает явлений, замусоривающих язык. Она пользуется готовыми статьями всяческих словарей – толковых, этимологических, ударений... под редакцией разных светил русского языка. Так и представляется мне: раскрыла она какой-то словарь, листает и думает, какую же статейку выбрать для очередного выхода в эфир?

Добралась до буквы «э», до слов «эффективный» и «эффектный»... О, нашла! Надо порассуждать, чем они отличаются друг от друга.

Или, оговорившись, что это все знают, объяснять слово «устаканиться», рассказывать о его происхождении и т. д. и т. п.

А уж когда верстался этот номер, я наконец узнала, что супружеский брак и брак производственный – это разные понятия!

Да, однокоренных, похожих, но разных по значению слов уйма, словарей с ними не счесть. Только вот спрашивается: что актуального в них? Где подмеченные самой ведущей в живой речи ошибки – все эти заполонившие эфир *отслушки, отслежки, озвучки*?

Дело в том, что сами всякого рода ведущие всё подряд унифицировано *озвучивают*. И нет замены этому киношному термину. Теперь у нас доклады не читают, сказки не сказывают, тосты не произносят, ничего не сообщают, ни о чём не рассказывают, а только *озвучивают*. Вот и Королёва не читает, не пересказывает, а штампованно *озвучивает*... словари. Да, это не по назначению употребляемое слово у радиознатока русского языка в чести.

На том же «Эхе» есть по-настоящему содержательная и глубокая передача, посвящённая русскому языку – «Говорим по-русски». К сожалению, «Как правильно?» ей не чета, хотя и там в коллективе ведущих присутствует Королёва.

Реализм или самопиар?

В конце прошлого года в СМИ и законодательных органах развернулась дискуссия по поводу обсценной, то есть ненормативной лексики. Что сказать по этому поводу?

Русский мат имеет древние корни. Он присутствовал ещё в берестяных грамотах Новгорода и Старой Руссы и сравнительно свободно употреблялся в документах Петровского времени. С тех пор осталось немало названий населённых пунктов, речек, дорог, основу которых составляют обсценные слова. Вытеснение мата из печатных изданий связано с табуированием и цензурой (отсюда расхожая фраза «*нецензурное выражение, слово, произведение*»). К XIX веку цензура усилилась, и обсценная лексика стала уделом неофициальной части творчества поэтов и прозаиков. Пушкин, Лермонтов и их современники свои эпиграммы, памфлеты, сатирические стихотворения не публиковали. Они пускались по свету в списках, а печатать их начали во второй половине XIX века в Европе.

В начале XX века, после исчезновения царской цензуры, матерные словечки стали тихой сапой проскакивать в нашу печать (помню – в стихах Маяковского). Позже они появились у писателей самиздата, где сразу вспоминается Юз Алешковский. В 1990-х, когда все негласные запреты были сняты, мат уже безбоязненно шагнул на страницы книг, сцены театров, киноэкраны, сделался модным, выступил наглядным свидетельством свободы самовыражения. С его помощью произведения становились скандально известными и даже получали международные призы.

Объяснялась легализация обсценной лексики в искусстве прежде всего тем, что литература, театр, кино должны в своём творчестве соответствовать реалиям жизни. В обыденной жизни люди сквернословят, почему же в художественных произведениях они должны быть стерильными?

На самом деле в большинстве своём творцы таким образом хотят просто-напросто выделиться, обратить на себя внимание: смотрите, какой я смелый, раскованный, какой я правдоруб! Это завуалированный, но, по сути дела, обыкновенный самопиар. «Ненорматив» призван заменить для неразборчивого потребителя отсутствие подлинной художественности произведения, заполнить вакуум даровитости исполнителя. Не могут же, скажем, писатели, унавожившие свои произведения матом, тягаться в художественной выразительности с Толстым, Чеховым, Куприным, Буниным, Платоновым, Айтматовым, Трифоновым, Астафьевым, Распутиным, которые как-то обходились без этой фишки. Кстати, Лев Толстой, по воспоминаниям Горького, в быту был страшным матерщинником. Но ведь ни слова из текста так называемой «народной» лексики он в своих произведениях не употребил.

К художественным, к творческим высотам надо стремиться, господа писатели, сценаристы, постановщики, к высотам и без примитивных ходулей! Не хватает литаргументации – мат не спасёт.

Вводя в заблуждение читателя-зрителя и обманывая себя на пути сближения с реальностью, авторы «суперправдивых» произведений грешат нехваткой чувства меры, отсутствием вкуса и очевидным лукавством. Если вы такие реалисты, то почему же не показываете, как люди испражняются и многое другое, тому подобное? Да потому, что в искусстве, литературе не всё надлежит демонстрировать. Не всё, включая испражнения и матерщину. Мастерски выписанный образ не нуждается в «масле масляном».

При малых детях мы не станем материться. Нормальный человек знает время и место этому. Но для художественных произведений нет времени и места. Их могут прочесть, услышать когда, где и кто угодно. Значок «18+» или запуск фильма по телевизору глубокой ночью не гарантируют те самые время и место передачам на грани и за гранью фола.

Безвкусицу и пошлятину мы частенько называем порнографией. Это понятия одного порядка. Вкусы, чувства, надо воспитывать, «души прекрасные порывы» показывать и всячески поощрять. Понятно, должен быть и реализм, и критическое отношение к действительности, не исключаются тут и гипербола, преувеличение, но, повторяю, во всём есть мера и её надо знать.

Зачастую журналисты, писатели, драматурги ругают себя за цензора в себе. Так вот, по моему глубокому убеждению, в означенной теме внутренний цензор художнику просто необходим.

Я против государственной цензуры, не приемлю официальных запретов, всяческих табу. Художник на то он и Художник, чтобы отчётливо различать в своей художественной потенции, что такое хорошо и что такое плохо.

